

УДК 491.7 : 070.4

Формирование коммуникативной компетенции в курсе морфологии русского языка для журналистов и социальная семантика

И.Е. Ким*

*Сибирский федеральный университет
Россия 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79¹*

Received 14.12.2009, received in revised form 21.12.2009, accepted 28.12.2009

В статье рассмотрены коммуникативные умения журналиста, которые формируются в курсе морфологии современного русского языка. Первое умение связано с осознанным употреблением морфологических форм в процессе создания текста, второе со способностью изменять морфологическую форму для достижения определенной коммуникативной цели, третье – с необходимостью соблюдать грамматическую норму. Эти умения позволяют студенту создать или изменить образ описываемого объекта с учетом понимания социальной семантики, заложенной в морфологические средства русского языка.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, морфология, социальная семантика.

Введение.

Постановка проблемы

Журналист является активным речедетелем: его главная задача – создание оригинальных текстов на естественном языке. Это значит, что главные коммуникативные компетенции связаны с активными умениями, умениями создания, порождения, построения текста. Казалось бы, при таком взгляде на коммуникативную способность журналиста морфологии в его обучении языку нет места. Связано это с тем, что русский язык – язык флективного типа (Реформатский, 1987). В аналитических или агглютинативных языках слово и грамматика слова (морфология) разделены. В аналитических языках (китайском, английском) вся грамматика, связанная со

словом, вынесена за его пределы. Реализовано это может быть при полном или почти полном отсутствии морфологии, как в китайском языке, или в наличии большого количества служебных слов, как в английском. В языках изолирующего типа, к каким относится китайский, морфологии практически нет. А в языках типа английского морфология – изучение служебных слов. В языках агглютинативного типа, таких, как корейский, японский, монгольский, якутский, к корню или основе слова добавляются серии служебных морфем, аффиксов, каждый из которых имеет единственное собственное значение. Поэтому граница между корнем и аффиксами всегда отчетлива, корень способен к самостоятельному употреблению. Поэтому пишущий на

* Corresponding author E-mail address: kimkim@krasu.ru

¹ © Siberian Federal University. All rights reserved

таких языках человек может специально и отдельно изучать аффиксы и их значение как совершенно самостоятельные единицы языка. Морфология в таких языках – наука о системе грамматических показателей.

В языках флективного типа, к каковым относится и русский язык, основной морфологический показатель – флексия – сливается с основой, образуя целостную, воспроизводимую в сознании носителя языка словоформу. Значит это, что в русском языке морфология – наука о словоформах. А для говорящего и пишущего это означает, что высказывание создается из готовых словоформ, в которых лексическое и грамматическое слиты воедино. Иными словами, при создании текста у журналиста нет времени отдельно подумать о том, какой грамматический показатель представить к данному корню. Тогда и курс морфологии оказывается ненужным: зачем знать грамматические тонкости в выражении значений, если грамматическая форма порождается сразу, целиком?

Тем не менее курс морфологии вполне правомерен и в активном, созидательном аспекте. Суть применяемой в курсе морфологии методики заключается в использовании функционального подхода (Бондарко, 1983, 1984; Теория функциональной грамматики 1987, 1990, 1991, 1992 и др.). Функциональная грамматика представляет собой соединение двух направлений описания языка: ономаσιологического (от смысла к форме) и семасиологического (от формы к смыслу). Теоретической базой является представление о функционально-семантических полях, разработанное в Санкт-Петербургской школе функциональной грамматики, лидером которой является А.В. Бондарко.

Необходимо отметить, что наиболее важным теоретическим разделом лингвистики, который необходим при активном изучении

морфологии журналистами, является социальная семантика, наука о выражении социальных смыслов (Крысин, 1997). Это обуславливается тематикой журналистского текста: журналист, как правило, пишет об общественных явлениях и событиях для общества.

Коммуникативные умения, развиваемые в курсе морфологии русского языка

Курс морфологии современного русского языка для журналистов призван развивать у журналистов активные умения:

- 1) навык осознанного употребления грамматических форм;
- 2) умение изменять грамматическую форму в соответствии со смысловым заданием высказывания, которое он создает;
- 3) уверенное владение грамматической нормой.

Методическое решение этой задачи связано с выделением трех разделов: теоретического, практического (активного) и нормативного. При этом нормативный раздел изучается студентами самостоятельно.

Навык осознанного употребления грамматических форм

Этот навык в наибольшей степени связан с морфологической теорией. Поэтому условно раздел, в котором изучается этот навык, называется теоретическим. В нем сообщаются основные сведения о системе частей речи русского языка и тех функциях в языке и речи, которые каждая часть речи выполняет. Особо важную роль играет здесь информация об эталонном явлении действительности, с которым связана данная часть речи: для существительного – вещь, предмет, для прилагательного – качество, свойство, для глагола – процесс, изменение, для числительного – количество. Принципиально не только название этих эта-

лонных явлений действительности, но и система их свойств. Так, основными свойствами предмета являются его статичность, ограниченность в пространстве, отнесение к классу и независимость от других явлений действительности, что выражается в словоизменении существительного, его поведении по отношению к словесному и синтаксическому окружению (синтагматике). Свойствами качеств являются статичность, независимость от времени, наличие носителя и интенсивность, способность проявляться в разном количестве (мере). Эти свойства тоже отражаются в морфологии прилагательного. Свойствами процессов являются изменение во времени (наличие так называемого внутреннего времени процесса), наличие или отсутствие внутреннего предела, то есть точки в развитии процесса, после которой его продолжение невозможно или бесполезно, наличие вовлеченных в процесс участников, наличие результирующего состояния и наличие или отсутствие контроля процесса со стороны субъекта. Все это также отражается в очень сложной морфологии глагола. И наконец, главным свойством количеств является их абстрактность и относительность, что, в свою очередь, отражается в постоянном сокращении словоизменения числительного, стремлении его к аналитизму. Таким образом, даже оформление смысла в виде определенной части речи предполагает добавление к этому смыслу дополнительных смысловых компонентов, которые часто оказываются важнее самого исходного смысла.

Большую роль в курсе играет представление о грамматическом значении. В школьном курсе русского языка учащийся определял, по сути, не грамматическое значение, смысл, заложенный в грамматическую форму, а грамматическую характеристику, место в парадигме словоизменения. Традиционный вузовский курс, например раздел «Морфоло-

гия», написанный И.Г. Милославским в учебнике МГУ (Милославский, 1981), вводит информацию о смысле грамматических форм, но несистематично, в виде, который не может быть сразу воспринят как смысл, удобный для восприятия и оформления носителем языка. Исправить эту ситуацию помогло представление о смысловых задачах слова, разработанное и внедренное в преподавание морфологии Т.В. Шмелевой (Современный русский язык, 1988). Смысловые задачи формулируются на языке, который понятен квалифицированным носителям русского языка, к каковым относятся и журналисты. Таких смысловых задач Т.В. Шмелева выделяет три: номинативная – наименование реалий действительности, референтная (денотативная) – соотнесение слова и объема обозначаемого словом понятия и релятивная – обозначение отношения реалии к другим реалиям, обозначаемым другими словами в контексте (окружением). В принципе эти три смысловые задачи описывают весь круг грамматических значений и позволяют ставить вопрос о соотношении смысловой задачи и способе ее выполнения данной грамматической формой. Так, указание на класс объектов (частная референтная смысловая задача) может выражаться и единственным, и множественным числом существительного, но единственное число обладает явной экспрессией (дополнительной выразительностью): ср., например: *Ох, и студенты нынче пошли!* и *Ох, и студент ☐ нынче пошел!*

В курсе морфологии реализуется подход «от смысла к форме», поэтому студенту-журналисту предлагается целая система средств выражения тех или иных значимых для него смыслов, в центре которой всегда оказывается грамматическая категория (функционально-семантическое поле по терминологии Санкт-Петербургской школы функциональной лингвистики). Таким обра-

зом, поиск адекватного выражения определенной смысловой задачи представляет для журналиста, изучившего морфологию в таком ключе, не «муки творчества», а выбор из серии средств, особенности каждого из которых он должен изучить в курсе морфологии современного русского языка.

**Умение изменять
грамматическую форму в соответствии
со смысловым заданием высказывания**

Труд журналиста включает в себя не только создание текстов, но и их адаптацию и даже редактирование. Во-первых, журналист обязан уметь редактировать собственный текст. Во-вторых, часто журналистским заданием является превращение в форму, пригодную для СМИ, текста из другого функционального стиля современного русского литературного языка, например научного или официально-делового. В-третьих, журналистская профессия включает в себя и работу редактора.

Все это говорит о том, что журналист должен владеть искусством редактирования, то есть модификации готового текста, не подходящего для публикации по тем или иным параметрам.

Модификация, преобразование текста – это умение, которое, конечно же, в каких-то аспектах формируется в школе. Списывание, диктант, изложение, реферат – типы вторичных текстов, которые осваиваются в курсе русского языка. Однако редакторские умения включают в себя очень требовательную работу над языковой формой, в том числе и над морфологическими формами.

В курсе морфологии за развитие этих умений отвечает «практический» раздел, в котором студент преобразует морфологические формы в уже готовых текстах. Эти преобразования не произвольны, они задаются

изменением коммуникативной или смысловой задачи, которая решается данной словоформой.

Примером такого преобразования с измененной коммуникативной задачей является «изменение представления» о лице, вовлеченном в какое-либо событие. Возьмем, например, фразу: *В здании администрации Красноярского края губернатор края А.Г. Хлопонин наградил победителей краевой олимпиады школьников.* Изменение представления о лице, которое обозначено в высказывании, может быть связано с изменением представления о степени активности этого лица. Чем активнее лицо в ситуации, тем большая активность и значимость ему приписывается в бессознательной составляющей психики читателя. Например, победители краевой олимпиады в данном высказывании представлены как неактивные участники ситуации. Возможно ли, изменив фразу, повысить их активность до максимальной? Возможно ли повысить таким образом их активность незначительно? Возможно ли языковыми средствами повысить их активность так, чтобы не уменьшилась активность губернатора? Аналогичные смысловые и коммуникативные задачи решаются журналистами постоянно в их профессиональной деятельности. Курс морфологии русского языка дает им возможность решить эту задачу как задачу выбора формы падежа существительного и залога глагола. Единственная сложность – что меняться должна не только форма данного слова, но и словесное и синтаксическое окружение этого слова. Это значит, что решение такого задания неизбежно требует и творческих умений, умений точно выбрать лексему и форму глагола.

Приведу возможные (но далеко не единственные) ответы на поставленные вопросы. Очень высокая (но не максимальная) активность победителям краевой олимпиады при-

писывается, например, в высказывании *В здании администрации Красноярского края победители краевой олимпиады школьников получили награды от губернатора края А.Г. Хлопонина*. Повышение активности связано с переводом субстантивного словосочетания из формы винительного падежа в форму именительного падежа (*победителей краевой олимпиады школьников* → *победители краевой олимпиады школьников*). То, что это повышение активности не максимальное, определяется лексическим значением глагола *получить*, представляющего субъекта обозначаемого действия как не определяющего результат действия. Незначительно активность повысится в высказывании: *В здании администрации Красноярского края губернатор края А.Г. Хлопонин вручил награды победителям краевой олимпиады школьников*, что определяется употреблением дательного падежа существительного *победитель*, который задает для обозначаемых этим существительным лиц роль адресата в событии. Равная и высокая активность губернатора и победителей краевой олимпиады реализуется в высказывании: *Губернатор края А.Г. Хлопонин и победители краевой олимпиады школьников встретились на церемонии награждения в здании администрации Красноярского края*, где участники интерпретируются как контр-агенты.

Уверенное владение грамматической нормой

Включение этого раздела в курс морфологии русского языка может показаться несколько странным. Во-первых, существует курс культуры речи, в котором изучается грамматическая норма, в том числе и морфологическая. Во-вторых, часто студенты-журналисты отрицают важность знания грамматической нормы и вообще языковой

нормы, ссылаясь на высокий уровень разделения труда в современных СМИ, где журналист пишет, литературный редактор исправляет стилистические и грамматические ошибки, а корректор ошибки правописания и опять же грамматические ошибки. Однако парадокс заключается в том, что высокое мастерство создания текста тесно связано со знанием нюансов грамматической нормы. Кроме того, часто грамматическая норма связана не только с правильностью или неправильностью словоупотребления или выбора морфологической формы, но и со смысловыми нюансами, немаловажными для общего смысла фразы и текста. Приведу в качестве примера такой нормативный вопрос, как согласование в числе личной формы глагола с так называемыми количественными сочетаниями. Суть проблемы заключается в том, что при таких сочетаниях личная форма глагола может принимать форму множественного числа или безличную форму 3 лица или среднего рода единственного числа, например: *В комнате стоял(стояло) 5 столов / 5 человек / много столов* и т.п. Выбор формы глагола регулируется множеством правил. В некоторых случаях правила однозначны, но в других случаях они не так жестки и позволяют применять стратегию выбора. Суть этой стратегии заключается в смысловых различиях формы множественного числа и безличной формы. Безличная форма представляет обозначаемое множество как совокупное и нерасчлененное, а множественное число – как раздельное. Таким образом, автор фразы может решить, как ему представить одно и то же множество. Обнаруживается, что, как правило, уместнее представлять расчлененным, раздельным множество лиц, а нерасчлененным, совокупным – множество предметов. Однако это общий случай, когда характер представления множества несущее-

ствен. Если же коммуникативная или смысловая задача автора предполагает тот или иной характер представления множества, то он может выбрать одну из форм произвольно, решая поставленную перед ним задачу.

Для нормативного раздела используется большое количество справочных изданий, из которых наибольшую ценность представляет справочник «Грамматическая правильность русской речи» (Граудина, Ицкович, Катлинская, 1976), в котором нет свойственной нормативной литературе по русскому языку назидательности. Авторы книги предлагают количественное распределение разных вариантов одного и того же морфологического явления, не навязывая носителю языка своего мнения.

Социальная семантика и морфология

Современная лингвистическая семантика сравнительно недавно стала различать семантические сферы, то есть области мира, построенные по разным законам. Античное различение природы и общества довольно долго игнорировалось лингвистами, для которых формально-синтаксическое тождество предложений *Мама мыла раму* и *Директор уволил сторожа* означало и семантическое тождество. В каком-то смысле такой подход правомерен: он позволяет установить целостность языковой картины мира, которая позволяет уподобить социальные и психические процессы, состояния и отношения физическим. Однако такое упрощение противоречит социальному опыту человека, который различает телесное и духовное, мир природы и общество.

Социальная семантика в разделе лексикологии современного русского языка представлена в вузовском учебнике под редакцией В.А. Белошапковой. Раздел «Социосемантика» написан Л.П. Крысиным.

В курсе же морфологии социальная семантика не образует отдельного раздела, а является сквозным сюжетом, определяющим характер иллюстративного материала и материала для практических занятий. Кроме того, основные сведения по социосемантике представлены в каждом разделе курса морфологии.

Можно говорить о наличии в языковой номенклатуре мира отдельной сферы, которая называется социальной и противопоставляется натуральной (физической) и психоментальной (внутреннему миру человека).

Объекты натуральной сферы подвластны внешнему восприятию и образуют основу мира. Камни, животные, деревья, природные явления просты, независимы от человека, в опыте противопоставлены психическому миру как внешние объекты, и их взаимодействия подчинены природным законам.

Психический мир человека закрыт от постороннего наблюдателя, он представляет собой *terra incognita*, поэтому один и тот же психический объект может быть представлен в языке и как своеобразный аналог предмета, и как процесс. Так, интеллектуальная деятельность может быть представлена в языке и как процесс (*Я думаю*), и как предмет (*У меня появилась мысль*).

Социальные явления еще более сложны. Они представляют собой единство физического и психического, более точно, знакового. Дворник – это не только человек с его физическими характеристиками, но и социальная роль, статус, определяемый социальным договором, Только соединение статуса и физически определенного индивида порождает социальное лицо. Аналогично и социальные процессы содержат в себе знаковый аспект. Так, революцию от военного переворота отличает только общественное восприятие, имеющее психическую и знаковую природу.

Продemonстрируем использование социальной семантики в курсе морфологии в сочетании с активным подходом на примере обозначения социальных качеств человека.

Особенностью выражения качеств является наличие эталонного морфологического класса, предназначенного для их обозначения, – прилагательного. Значение качества, однако, могут выражать существительные, глаголы и наречия, как отдельные лексемы, так и (у существительного и глагола) – системы форм.

Важнейшее проявление семантической определенности качеств – их градуальный характер. Качество может проявляться в разном количестве, что отражается в грамматике прилагательного (категория степени сравнения), в его деривационном потенциале (наличие регулярных дериватов со значением низкой и высокой интенсивности качества), в его семантических валентностях, а именно наличии большого числа зависимых наречий меры и степени. Существуют и другие грамматические, словообразовательные и лексические средства выражения градуальности качеств (Воротников, 1999).

Если говорить о социальных качествах человека, то они представляют собой способности человека к социальной деятельности и характеристики его социального поведения. Рассмотрим в качестве примера социальное качество, которое выражается прилагательным *коммуникабельный* (*коммуникабелен*). В лексикографической интерпретации это прилагательное толкуется следующим образом:

– ‘склонный, способный к коммуникации... установлению контактов и связей, легко устанавливающий их’ (Словарь иностранных слов, 1989);

– ‘такой, с <ото>рым легко общаться, иметь дело, устанавливать контакты’ (Ожегов, Шведова, 1999);

– ‘такой, который легко вступает в контакт с другими людьми и с которым легко общаться, иметь дело’ (Крысин, 2002).

Во всех приведенных толкованиях обнаруживается акциональная природа этого социального качества, выраженная рядом слов с акциональной семантикой: *общаться [с кем]*, *устанавливать контакты / вступать в контакт / установление контактов [с кем]*, *коммуникация [с кем]*, *иметь дело [с кем]*. Но акциональность связана с динамикой, в то время как качества статичны. Поэтому в приведенных толкованиях обнаруживается и вторая сторона социального качества – потенциальность, выражаемая прилагательными *склонный, способный* (Словарь иностранных слов, 1989), а также словом *легко*, которое можно интерпретировать как качественное наречие (*легко вступает в контакт* (Крысин, 2002)) и слово категории состояния (*легко общаться, иметь дело* (Ожегов, Шведова, 1999; Крысин, 2002)). Акциональность в сочетании с потенциальностью является главным компонентом лексического значения прилагательных и слов других частей речи, обозначающих социальное качество.

Характеристика социальных качеств человека в русском языке осуществляется на основе четырех синтаксических моделей, в которых выделяется базовый компонент (слово определенной части речи и определенной семантики) и факультативные компоненты, реализующие синтаксические валентности базового компонента:

1) существительное со значением лица, факультативно в сочетании с прилагательным / косвенно-падежной группой, например: *Я никогда не был единомышленником «смельчаков», которые «показывают кулак в кармане»* (Красноярская газета. 06.11.2001); *Он был человек самодовольный и честолобивый* (В. Шукшин. Чередниченко и цирк);

А, например, правовая сфера почему-то досталась Коропачинскому, хотя Фурса – квалифицированный юрист, бывший прокурор, знающий и предмет, и людей, работающих в системе (Вечерний Красноярск. 18.01.2002); *(А почему Горлов так услужлив и уклончив?) Он же с характером мужик* (Красноярская газета. 30.10.2001);

2) прилагательное, краткое (предикативное) или полное (атрибутивное), например: *Деду же досталась не очень-то покладистая жена* (А. Ким. Мое прошлое);

3) существительное со значением качества (квалитативное существительное), например: *Мы со старшим братом с детства были приучены к дисциплине, трудолюбию, к работе по хозяйству* (Красноярский железнодорожник. 23.11.2001); *Хватка у меня была, да и сейчас еще...* (Н. Леонов. Явка с повинной);

4) глагол или глагольное словосочетание социальной семантики, факультативно в сочетании с качественным наречием, модальными связками или временными обстоятельствами со значением всеобщности, например: *Отец был никудышным охотником и стрелял плохо* (А.Ким. Мое прошлое); *(Я) Привык серьезно относиться к делу* (Красноярский железнодорожник. 23.11.2001).

Обнаруживается, что, в зависимости от того, каким образом необходимо соединить качество с его носителем, мы можем использовать разные модели.

Первая модель (она наиболее распространена) используется, если необходимо сделать социальную характеристику основной, как бы полностью определяющей данного человека. Называя человека смельчаком, плохим охотником, тунеядцем, мы лишаем читателя возможности помыслить у него наличие еще каких-нибудь качеств. Герой может быть пьяницей, плохой охот-

ник – хорошим отцом. Но автор навязывает единственный образ героя.

Использование прилагательного для обозначения качества делает последнее атрибутом, обязательной характеристикой, связанной к человеку, неотрывной от него, например: *смелый мальчик*. Природа социальных качеств, по всей видимости, такова, что данная непреложная связь в русской языковой картине мира плохо представима, следовательно использование этой модели очень нерегулярно.

Выражение качества отвлеченным существительным позволяет представить его как самостоятельно существующее, независимое и вступающие с характеризуемым лицом в разные отношения:

1) посессивные отношения, ср., например: *Менеджерские способности Юрия Коропачинского, видимо, впечатлили губернатора* (Городские новости. 18.01.2002); 2) характеристика посредством соответствующих предикатов: *Жесткость, даже производственная жестокость – вот стиль Совмена, который за час до окончания контракта за малейшее трудовое или дисциплинарное нарушение мог выгнать старателя из артели, заплатив ему за 8 месяцев изнурительного труда (12 часов работы на 12 отдыха) так называемый тариф. Вдесятеро меньше среднего заработка золотодобытчика* (Комсомольская правда в Красноярске. 15.01.2002); 3) локативные отношения, при которых человек уподобляется вместилищу качества, см., например: *– Какое качество больше всего цените В ЛЮДЯХ? // – Порядочность. Все остальное – добросовестность, исполнительность, честность – составляющие именно этой определяющей черты характера* (Красноярский железнодорожник. 23.11.2001); 4) невыраженные отношения, например: *Так и будущим депутатам Законодательного собрания не стоит за-*

бывать о человеческой порядочности, политической корректности и обычной житейской мудрости (Красноярский край сегодня. 14.11.2001).

Использование глагольной модели позволяет представить качество как действие. Если автору необходимо сконцентрировать внимание читателя на действиях героя, удачных или неудачных, то применяется именно эта модель.

Как видим, варьирование грамматической формы для выражения заданного смысла может быть связано с произвольным изменением представления о социальном объекте, а формирование образа социального явления – одна из главных задач журналиста.

Выводы

Для студента-журналиста морфология современного русского языка выглядит существенно теоретической и отвлеченной от практических нужд творческого человека учебной дисциплиной. Как видим, именно этот

раздел курса современного русского языка дает основу для формирования множества коммуникативных умений. Заметим, однако, что, во-первых, эти умения базируются на знании сложного теоретического материала, во-вторых, это такие умения, зона действия которых – не текст, не его «глобальная связность» (термин голландского лингвиста Т. Ван Дейка), а словоформа, в лучшем случае словосочетание или простое предложение. Иными словами, курс морфологии, как и некоторые другие лингвистические дисциплины, развивает «мелкую технику» журналиста, умение работать со словом, которое характеризует наиболее высокую степень его профессионального роста, высшую степень его мастерства. При этом одним из важнейших умений, которые формируются у студента в курсе морфологии, является умение создать или изменить образ описываемого объекта с учетом понимания социальной семантики, заложенной в морфологические средства русского языка.

Список литературы

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии /А.В. Бондарко. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. – 208 с.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 133 с.

Воротников Ю.Л. Степени качества в современном русском языке / Ю.Л. Воротников. – М.: Азбуковник, 1999. – 281 с.

Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи: опыт частотно-стилистического словаря вариантов / Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. – М., 1976. – 455 с.

Крысин Л.П. Социосемантика // Современный русский язык: учеб. для филол. спец. высших учебных заведений. 3-е изд. / Л.П. Крысин. – М.: Азбуковник, 1997. – С. 270–285.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2002. – 848 с.

Милославский И.Г. Морфология // Современный русский язык: Учебник /под ред. В.А. Белошапковой / И.Г. Милославский. – М., 1981.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. 4-е изд. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Рус. яз., 1999. – 944 с.

Реформатский А.А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. – М., 1987. – С. 52–76.

Словарь иностранных слов. 18-е изд. – М.: Рус. яз., 1989. – 624 с.

Современный русский язык. Грамматика. Ч. 2. Морфология / сост. Т.В. Шмелева; Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 1988.

Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л., 1987. – 348 с.

Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л., 1990. – 263 с.

Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. – СПб., 1991. – 370 с.

Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. – СПб., 1992. – 304 с.

Creating Oral and Written Communication Skills in the Course of Russian Morphology for the Students of Journalism and Social Semantics

Igor E. Kim

*Siberian Federal University,
79 Svobodny, Krasnoyarsk, 660041 Russia*

The paper considers communications skills acquired by the students of journalism in the course of Russian morphology. The first skill is the use of morphological forms in written communication. The second skill is the ability to change a form to achieve a communicative aim. The third skill is the ability to meet grammar standards. The skills help students to create or change an image. Thus, students demonstrate their understanding of social semantics expressed by the means of Russian morphology.

Keywords: communication competence, Russian morphology, social semantics.
